

Василий Воронков

СИНДРОМ ОТТОРЖЕНИЯ

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
В75

Серия «**Настоящая фантастика**» основана в 2010 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Катерина Довжук*

Воронков, Василий

В75   Синдром отторжения: роман / Василий Воронков. — М. : Снежный Ком М, 2019. — 384 с. — (Настоящая фантастика).

ISBN 978-5-6041334-6-0

Человечество вышло в космос. Управление космическими кораблями осуществляется через нейроинтерфейс, благодаря которому операторы могут принимать сложнейшие решения за микросекунды. Один из операторов, переживает катастрофу на космическом корабле, будучи подключенным к нейроинтерфейсу. Он приходит в себя в тесном помещении, похожем то ли на медицинскую камеру, то ли на тюремную. У него нет амнезии, однако то, что он помнит, пугает его куда больше, чем потеря памяти.

«Синдром отторжения» - необычный психологический триллер, в котором автор ставит непростые вопросы: что такое человеческая личность? как себя воспринимаем мы, и как нас воспринимает мир? насколько объективно понятие «я»? При этом философские проблемы органично вплетены в напряженное и динамичное действие — военное противостояние Земли и Венеры, поиски утраченной любви...

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6041334-6-0

© Воронков В., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д. В.), 2019
© Оформление. Олин М., 2019

У меня всегда была плохая память на лица.

Иногда я не узнавал людей, которых видел множество раз, как будто их лица — посадка глаз, очертания губ, раскрашенные по последней моде волосы — мгновенно выцветали в памяти, стоило лишь отвернуться.

Я едва успел отпраздновать двенадцатилетие, когда мать решила отвести меня к врачу, решив, что моя странноватая забывчивость требует медицинского вмешательства. Я и правда частенько путал ее вечно одинаковых, вечно небритых ухажеров и даже случайно назвал последнего чужим именем. После смерти отца приступы ее ипохондрии могли сравниться только с тоской по мужскому плечу, но кандидаты в будущие отцы долго не задерживались и исчезали из нашей жизни почти так же быстро, как из памяти. Однако «полное обследование», «поликлиника» и «медицинская страховка» оставались с нами неизменно.

Я уже не помню, к какому специалисту она меня определила.

Он был высокий и говорил так бегло, что у меня разболелась голова после нескольких минут пристрастного медицинского допроса. Врач дал мне пару тестов, показал сумбурные картинки, заставил пройти небольшой экзамен на умственное развитие, в котором я умудрился показать унижительный средний результат, и поставил диагноз, не слишком удовлетворивший мою мнительную мать: «Все в порядке».

Я и сам расстроился — быть «странным» представлялось мне чем-то очень привлекательным, поскольку могло бы уместно подчеркнуть мою незаметную другим уникальность. Звали этого врача Алексей Соколовский.

Имена я запоминал всегда хорошо.

Впрочем, обнадеживающий диагноз никак не способствовал улучшению памяти.

Когда я поступал в институт — а из-за нещадного конкурса лишь одному из сотни удавалось исполнить мечту о звездах, — то волновался, что не узнаю какого-нибудь профессора с подготовительных курсов, не поздороваюсь, не улыбнусь в ответ на привередливый взгляд, и потом мне припомнят эту рассеянную невежливость на экзамене. Не знаю, чем больше привлекал меня технологический — другими планетами или возможностью наконец уехать от матери с ее вечными болезнями, — но я так переживал из-за поступления, что не мог ни есть, ни спать, ни думать о чем-либо, кроме экзаменов. Для меня это была возможность начать настоящую взрослую жизнь — управлять кораблями, жить на орбитальных станциях, забыть о повторяющихся с монотонной регулярностью «полных обследований» и скучных распрях с поликлиникой из-за страховки — жизнь, в которой люди думают не только о том, чем могут болеть.

Помню, как стоял в коридоре, ожидая очереди, чтобы зарегистрироваться и получить удостоверение абитуриента.

Подготовительные курсы были позади, я прошел тесты на совместимость с нейроинтерфейсом, неплохо проявил себя на репетиции вступительных экзаменов, однако все это не слишком-то обнадеживало, и я почему-то боялся, что мне даже откажут выдать треклятое удостоверение абитуриента. «Мест нет». «Конкурс и так слишком большой». «Попытайте счастья на следующий год». Целый год! Этого бы я точно не выдержал.

Я стоял и озирался по сторонам.

Голые белые стены напоминали о больнице. Коридор был заполнен выпускниками подготовительной школы, хотя я намеренно пришел пораньше, чтобы не попасть в нервную давку. Электронные шторы на широких окнах, похожих на иллюминаторы в космических кораблях, не работали, и солнце слепило глаза. Я держался чуть поодаль от

остальных, но кто-нибудь постоянно пытался завязать со мной беседу — видимо, волнение, как дурное вино, способствовало разговорчивости. Из-за надсадного гомона я и сам волновался еще сильнее. Вокруг было множество лиц, но я не никого не узнавал. Я вглядывался в эти лица в надежде, что хоть одно из них покажется мне знакомым, и — увидел ее.

И в тот самый миг плохая память на лица вдруг перестала быть проблемой.

Я понял, что ее лицо я не забуду никогда.

99

Меня разбудила тишина.

Я лежал посреди черной немой пустоты, похожей на предсмертный сон. Я попробовал пошевелиться, но не смог — я был парализован, раздавлен темнотой, которая пронзала насквозь, заглушая последние искорки сознания. Я не слышал даже собственного дыхания — как в вакууме, где не распространяется звук.

Пугающая мысль мелькнула передо мной — я вспомнил описания клинической смерти, — и тут же почувствовал нарастающее жжение в груди. Я разинул рот, точно утопающий, чудом вынесенный на поверхность, и попытался набрать воздуха. Прошло несколько секунд, прежде чем легкие расширились, и я услышал свой судорожный надрывный хрип.

От холодного стерильного воздуха кружилась голова.

Я лежал на узкой и жесткой кровати, затянутой плотным полиэтиленом, как противень для трупов в морге. На мне была одежда — тесная, наглухо застегнутая роба, напоминающая наряд для покойников в крематории. Грубая синтетическая ткань впивалась в тело, воротник сдавливал горло.

Я умер? Меня нарядили в уродливую безразмерную одежду для мертвецов и заперли в морозильной камере?

Резкий холод разлился по жилам, подступив к горлу, подобно приступу удушья. Я потянул тугой воротник, удавкой сжимавший горло. Расстегнулась пуговица, и я еще раз

вздыхнул — медленно и глубоко, наслаждаясь промерзлым воздухом с привкусом хлора.

Нет, я не мертв. На кораблях не бывает моргов. Я думаю, я дышу, и холодный паралич проходит, как при возвращении из комы.

Я заморгал.

Черный мрак вокруг побледнел и немного рассеялся. Я стал различать тусклые неуверенные очертания — стены, линию потолка, угловатый остов кровати, тихо проступающий в темноте. Я поднес руку к лицу и заметил, как мелко трясутся пальцы.

Где я?

Я приподнялся на локтях и осмотрелся.

Я находился в комнате с упакованной в пленку кроватью. Но я не мог определить размеры этой промозглой камеры. На мгновение мне показалось, что стены выкрашены белой краской.

Больница?

Руки задрожали от натуги, и я опустил на кровать.

И тут я понял — в кармане брюк что-то лежит. Странный предмет с острыми краями, который растянутая синтетическая ткань плотно прижимает к бедру. Я запустил руку в карман (ломкая ткань рубы неприятно потрескивала) и вытащил пластиковый куб — большой, с резкими заостренными гранями и почти невесомый.

Пару минут я осматривал куб, вертел в руках, но так ничего и не нашел. Не было ни отверстий, ни кнопок, ни индикаторов. Просто игрушка желтого или оранжевого цвета. Хотя даже в этом я не был уверен.

Глаза разболелись, я убрал куб обратно и попытался расслабиться.

Игрушка ничем не может помочь. Я займусь ею потом, позже.

Меня волновало другое.

Где я? Как я оказался здесь?

Я помнил себя на «Ахилле».

Чья-то ошибка, сбой оборудования, или то невероятное совпадение случайностей, которое когда-то называли

судьбой. Впервые в жизни я видел, как включается на корабле аварийный режим. Из стен выстрелили люминофоры, длинные красные нити, которые могли гореть, даже если полностью отрубалось электричество, мониторы сначала залила ровная невозмутимая темнота, а потом вспыхнули огромные кричащие буквы и цифры — код аварийного протокола, «внимание», «тревога», «режим».

И ни единого звука — полная тишина.

Я был оглушен, контужен и потратил долгие секунды на то, чтобы прийти в себя, слепо барахтаясь в предательской невесомости посреди залитого аварийными огнями коридора. Я потерял способность управлять собственным телом — дернулся, отлетел к стене, и здоровая металлическая скоба врезалась мне в правое плечо.

Я вздохнул. Стараясь не делать лишних движений, потянулся к приоткрытому люку.

Меня била дрожь.

Оставалось несколько секунд. Нет, и этого времени уже не было. Сенсоры «Ахилла» засекли корабль с чужим опознавательным кодом, а спустя мгновение зарегистрировали рост радиации вокруг его корпуса. Активировался аварийный протокол.

Я залез в рубку, хватаясь за настенные поручни.

От затопившего отсека красного марева раскалывалась голова. Первый пилот сидел в кресле, рот его был слегка приоткрыт, а остекленевшие глаза уставились в потолок. Я оттолкнулся от стены и нырнул к терминалу нейроинтерфейса. Каждое движение занимало чудовищно долгие секунды, тогда как операторы чужака давно подключились к нейроинтерфейсу и находились в течение другого, медленного времени, где можно принимать сложнейшие решения за мгновения. Я упал в кресло, активировал терминал и — меня захлестнула темнота.

Что произошло потом? Мы проиграли? Но тогда бы нас распылило на атомы, я не лежал бы здесь, на узкой больничной койке, разодетый, как покойник.

Я в медицинском отсеке? Но это точно не «Ахилл».

Нас захватили? Но где я тогда?

Я приподнялся, вглядываясь в темноту. Но теперь я не видел даже очертания стен — глаза подводили меня вместо того, чтобы привыкнуть к отсутствию света.

Воздух, холодный и едкий на вкус, был похож на искусственный, как на кораблях дальнего следования. Я чувствовал механический ветер, который разгоняли маховики огромной машины, генерирующей пригодную для дыхания смесь.

Где-то наверху зияли черные щели решетки вентиляции. Нужно было встать.

Я с трудом сел на кровати, поддерживая себя одной рукой.

Голова закружилась, а странная боль сжала грудную клетку, не давая вздохнуть. Можно было подумать, что гравитация в камере в десятки раз превышает земную, и эта невыносимая сила тяжести хочет раздавить меня, переломать все кости.

Я не понимал, где нахожусь. Ни на одном известном мне корабле нет искусственной гравитации. Я на орбитальной станции? Я на Венере?

Ослабленное тело почти не слушалось меня, но я не собирался сдаваться. Я грубо столкнул с кровати ноги, и тут же чуть не упал сам, успев в последнюю секунду восстановить равновесие — словно тугое сопротивление искусственного воздуха удержало меня от падения. В тот самый миг я не сомневался, что, если бы сорвался, то провалился бы в бесконечную черную пропасть, которая разверзлась под кроватью.

Больше минуты я сидел, сторбившись и глубоко вздыхая. На мне не было обуви, и холодный пол обжигал босые ноги. Одна ступня заломилась, как у тряпичной куклы. Головокружение сменила пульсирующая головная боль.

Я попытался сосредоточиться на ногах — сдвинуть ступню, пошевелить пальцами.

Поначалу я не ощущал ничего, кроме болезненного холода, терзавшего отнявшиеся ноги. Но потом правая нога ожила. Я смог согнуть ее в колене, приподнять над полом и — тут же застонал от боли. Ногу свело судорогой. Я согнулся и обхватил голень руками.

Когда боль отпустила, я начал снова.

Я поднял ногу над полом, но она ослабленно опустилась, не выдержав собственного веса. Тогда я попробовал пошевелить пальцами другой ноги. Силы понемногу возвращались ко мне, тяжесть в грудной клетке отпускала.

Я оттолкнулся от кровати и — поднялся в темноту.

Целую секунду я стоял, выпрямившись во весь рост, но потом ноги подкосились, и я упал на металлический пол. Я не успел выставить вперед руки и разбил колени. Но это меня не волновало.

Бездна не разверзлась.

Я лежал на стылом полу. Неестественный химический холод ломил кости через одежду. Дыхание сбилось, и я беспомощно глотал воздух ртом. Разбитые колени болели. На мгновение я решил, что ноги опять отнялись, и я никогда не смогу подняться. Страшная бесформенная темнота нависла надо мной.

Я уперся в пол трясущимися руками. Сел на колени. С силой зажмурил глаза и открыл их вновь, надеясь увидеть хоть что-нибудь, кроме отсутствия света — бледные очертания стен, потолок, может, даже дверь, выход из этого мертвого места.

Но ничего не было.

Я еще раз вздохнул и попытался встать. Взмахнул рукой, чтобы найти хоть какую-нибудь опору, но кровать куда-то исчезла.

Темнота с каждой секундой становилась все гуще.

Нельзя было медлить.

Я дернулся, поднялся рывком, но ногу свело судорогой, и я повалился на пол.

Я пришел в себя на жесткой неудобной кровати, затянутой пленкой. На мне была все та же одежда из грубого синтетического материала, а тугой воротник оказался застегнут и сдавливал горло. И меня по-прежнему окружала темнота.

Однако что-то изменилось.

Кожа на правом плече воспалилась, как после ожога. Я расстегнул куртку и осторожно коснулся непонятной припухлости на руке, напоминающей след от неудачной подкожной инъекции.

Что же такое мне вкололи, пока я был без сознания?

Рассмотреть укол в темноте никак не получалось.

В камере не стало светлее. Однако дышалось легко, и болезненная слабость не сковывала движения. Я вздохнул, сел на кровати и поднялся на ноги.

Меня покачивало, я боялся, что мышцы опять сведет судорогой, однако продолжал стоять. Глаза так и не привыкли к темноте, или же в камере действительно становилось темнее с каждой секундой. Я ничего не мог разглядеть. Комната, в которой я находился, могла быть огромным залом, как накопитель на аэровокзале, или же тесным блоком в пару метров длиной.

Я набрал полную грудь воздуха и выкрикнул — вернее, попробовал закричать:

— Кто здесь? Ответьте! Где я нахожусь?

Но я не кричал, я хрипел. Меня тут же разбил кашель, и я чуть не повалился на пол, потеряв вместе с голосом равновесие.

Эха я не услышал. Я не в огромном зале. Меня заперли в маленькой, пустой и бессветной камере, залитой химическим холодом, разъедающим легкие.

Я кашлял, прикрывая ладонью рот, когда невдалеке мигнул красный огонек — как стремительная искорка, мгновенно погасшая в темноте. Я был почти уверен, что из-за постоянного отсутствия света у меня начинаются галлюцинации, но все же хрипло крикнул во тьму:

— Кто здесь?

Вместо ответа я услышал гул от сервоприводов невидимого механизма.

— Кто здесь? — спросил я вконец ослабшим голосом. — Ответьте!

— О есь... — повторило за мной рваным фальцетом эхо. — О етьге.

— Что здесь происходит? Где я нахожусь?

— О есь исходит, — ответило эхо. — Е я ожусь.

Я колебался. Каждый удар сердца отдавался в висках. Собравшись с силами, я шагнул вперед — туда, где несколько секунд назад вспыхнул красный электрический глаз.

— Я требую... — начал я и закашлялся. — Да кто вы такие? Почему я здесь нахожусь?

— О бую, — передразнил меня механический голос. — О ы акие, о есь ожусь.

Я сделал еще один шаг и остановился. Вокруг была темнота.

— Прекратите! — заорал я.

Механический голос молчал. Я даже решил, что это издевательское эхо мне только почудилось, но где-то высоко над головой, у невидимых черных сводов, заклацал заедающий переключатель, и в то же мгновение в комнате зажегся белый прожекторный свет.

От неожиданности я вскрикнул и повалился на колени.

Я был уверен, что ослеп, что эта чудовищная вспышка выжгла мне глаза. Я закрывал лицо, сжавшись от страха на холодном полу, но передо мной все равно стояла оглушительная белизна.

— Поднимитесь! — прозвучал неестественный голос. — Поднимитесь на ноги!

Я корчился на полу.

— Поднимитесь!

Я убрал руки от лица, но так и не решался открыть глаза. Я и сам не был уверен, чего боюсь больше — потерять зрение или же увидеть, где нахожусь.

— Поднимитесь! Поднимитесь! — Громкоговоритель заклинило. — Поднимитесь на ноги! Поднимитесь!

Я разомкнул веки.

Я не ослеп.

Глаза слезились, передо мной плыли яркие цветные пятна, однако я — видел. Я стоял на коленях посреди пустой комнаты со светящимися белыми стенами, где не было ничего, кроме узкой кровати и унитаза в углу.

Хотя нет. Было что-то еще.

Зрение не успело полностью восстановиться, и какой-то пугающий объект прятался от меня в слепом пятне — я не видел, но чувствовал, что он есть.

— Поднимитесь! — напомнил мне голос.

Я встал на ноги. Меня трясло — от слабости или от страха. Какое-то время я стоял, не решаясь посмотреть перед собой, пока наконец не поднял голову.

И тут же застыл от ужаса.

Передо мной возникла массивная противоударная дверь с грубыми следами сварки, как в бункерах или на военных кораблях, а над ней, на длинном суставчатом кронштейне, который сгибался и распрямлялся с хищным шипением, точно чья-то уродливая конечность, висела страшная металлическая голова, похожая на череп лошади с единственным горящим глазом.

— Что, — выдавил я из себя, — что это...

Голова нетерпеливо покачивалась, просверливая меня ярким электрическим взглядом.

— Спа-а-асибо за со-о-отрудничество! — проскрежетала она, неестественно растягивая слова. — А те-е-еперь...

Послышался истеричный высокочастотный звон — так, что я невольно зажал уши руками, — но в следующее мгновение голос зазвучал спокойно и ровно, как бездыханная речь методичной машины, воспроизводящей чужие слова:

— А теперь назовите свое имя.

— Имя? — Я попятился к кровати. — Но кто вы? Где я нахожусь?

— Назовите свое имя! — повторила уродливая башка.

Мне потребовалось время, чтобы унять паническую дрожь во всем теле.

— Меня зовут... Мое имя...

Мысли путались, говорить было тяжело.

— Достаточно! — рявкнул череп и пугающее вытянулся на кронштейне. — Назовите свою должность!

— Техник-навигатор третьего разряда... Я с корабля Земли «Ахилл». Опытно-исследовательский код...

— Назовите свой возраст, — перебила меня голова.
— Двадцать шесть лет.
— Место учебы.
— Московский технологический, отделение авиакосмических...

— Девичья фамилия матери.
— Что? — удивился я. — Но моя мать... У меня фамилия матери, а не отца.

Электрический глаз на голове необъяснимо моргнул.
— Что здесь происходит? — спросил я дрожащим голосом. — Что это за устройство? Где я нахожусь? Где Лида?
— Достаточно! — резко сказала голова.

Кронштейн уродливо согнулся, и лошадиный череп высокомерно взлетел к потолку. Страх, оглушивший поначалу, отступил и вдруг сменился гневом.

— Что значит достаточно?! — прокричал я, едва справившись с новым приступом кашля; ноги подгибались, мне хотелось сесть на кровать, но я упорно стоял посреди комнаты. — Вы не имеете права! Я требую, чтобы вы мне все объяснили! Где я? Кто еще...

— Сядьте на кровать, — сказала, раздраженно кивнув, голова.

— Что? — Я хотел закричать, но силы уже иссякли. — Да что вы...

— С-с-с-ся-ся-сядь... — Лошадиный череп затрясся на кронштейне в приступе механической эпилепсии и принялся беспомощно заикаться, силясь выдать из себя единственное слово. — Ся-ся-сядь... сядь-сядь-сядь-ся...

Сбивчивое бормотание робота выродилось в жестяной скрежет — как будто кто-то скоблил когтями по листу металла. Под потолком раздался резонирующий звон, и я зажал уши руками.

— Хватит! — взмолился я. — Не надо!
— Пожалуйста, — произнесла металлическая голова.
Я посмотрел в ее электрический глаз.
— Сядьте на кровать. Пожалуйста. Сядьте на кровать.

Я так ослаб, что не сопротивлялся. Я сел и удовлетворенно вытянул уставшие ноги.

— Спасибо! — гаркнула голова. — Встаньте!

— Что? Зачем? Что вам нужно от меня?

— Пожалуйста! — заскрипел голос, вновь сбиваясь с ровно ритма. — Выполняйте распоряжения, встаньте с кровати.

— Я не сдвинусь с места, — сказал я и тут же сам поразился, с какой твердостью это прозвучало, — я не сдвинусь с места, пока вы мне все не объясните! Где Лида? Мы военнопленные?

— Мы... и-и-и... Ли-ида!..

Голос заскрежетал и утонул в вопле помех. Звук доносился со всех сторон. У меня зарябило в глазах. Я невольно вскочил с кровати. В ту же секунду треск прекратился.

Свет в комнате стал еще ярче.

— Спасибо за сотрудничество, — спокойно произнесла голова и оцепенела.

— Это все? — спросил я. — Вы мне хоть что-нибудь объясните? Почему я здесь?

Робот неподвижно висел на кронштейне, его единственный глаз погас, и теперь робот еще больше напоминал уродливый лошадиный череп, обшитый металлическими пластинами.

— Эй! — крикнул я. — Здесь кто-то есть?

Я был уверен, что свет в любую секунду погаснет, и я снова окажусь в плотной осязаемой темноте.

Я осторожно приблизился к висящему над дверью лошадиному черепу, не подававшему признаков жизни. Кронштейн застыл в неестественной позе, как вывихнутое плечо, и вся эта конструкция выглядела мертвой, окоченевшей — невозможно было поверить, что совсем недавно голова раскачивалась над комнатой, хищно сверкая красным глазом.

Я подошел к двери и уперся в нее ладонями, не слишком понимая, чего хочу добиться. На двери не было ни кнопок, ни панели для магнитного ключа.

— Я в тюрьме? — крикнул я в потолок, но мне никто не ответил. — Я могу узнать, в чем меня обвиняют? Лида тоже здесь?

Череп на кронштейне не двигался. Свет, яркий, не имеющий источника, резал глаза.

Мне захотелось сорвать с кронштейна уродливую башку, разбить ее об пол, выломать потухший электрический глаз, но кронштейн был слишком высоко и я никак не мог до него дотянуться. Меня затрясло — то ли от холода, который передавался всему телу через босые ноги, то ли от беспомощной ярости на тюремщиков, наблюдавших за мной, как за подопытным муравьем.

Я обхватил себя руками и вернулся на кровать.

И тут я вспомнил.

Что-то плотно оттягивало правый карман брюк. Угловатый предмет. Пластиковый куб, непонятная игрушка.

Я засунул руку в карман, и ослепший череп, не совладав с приступом электронного любопытства, выдвинулся вперед, а его единственный глаз зажегся, просыпаясь ото сна.

— Что? — спросил я. — Вы все еще здесь? Может, ответите и на мои вопросы?

Череп кивнул, как бы соглашаясь, и произнес надрывным голосом:

— Поднимитесь! Поднимитесь на ноги!

— Опять? — не понял я.

— Поднимитесь! Поднимитесь! — затараторил лошадиный череп, угрожающе раскачиваясь над комнатой.

Я встал.

— И что теперь? Сесть?

— Спасибо, — ответил лошадиный череп. — Назовите свое имя.

— Да что вам нужно! — закричал я, с ненавистью уставившись в бесстрашный электрический глаз.

— Назовите свое имя, — спокойно повторил череп. — Пожалуйста.

Я поднял голову.

— Хватит этих допросов! Объясните мне хоть что-нибудь!

Череп затрясся:

— Назовите свое имя! Сядьте на кровать!

Но я стоял, сжимая в кармане куб, — как тайное оружие, которое готовился пустить в ход.

— Сядьте на кровать, — повторил череп. — Пожалуйста.

— А если не сяду? — завелся я. — Что вы сделаете? Выключите свет? Оглушите меня треском? Мне все равно! Я не буду ничего делать, пока...

— Призываем вас к сотрудничеству, — холодно перебил меня череп. — Это в ваших же интересах. Если вы не будете сотрудничать, вам откажут в приеме пищи.

— Мне все равно! — выкрикнул я, но стоять на ледяном полу под пронизывающим электрическим взглядом было невыносимо.

Я обернулся, как бы проверяя, что в комнате ничего не изменилось, залез с ногами на кровать и уселся, прислонившись спиной к стене.

— Спасибо, — проскрежетала голова. — Встаньте с кровати.

Было похоже на то, что я оказался внутри огромного неисправного механизма, повторяющего одно и то же действие до тех пор, пока не закончится ток — или не умрет единственная подопытная свинка.

Я подчинился.

— Хорошо. Я стою. Что дальше?

Череп застыл на секунду, изучая меня немигающим взглядом, а затем отодвинулся обратно к двери.

— Сядьте на кровать.

— Нет!

— Сядьте на кровать! — взвизгнул череп.

Я вытащил из кармана пластиковый куб.

— Не дождетесь!

Я посмотрел на куб — тот был оранжевого цвета.

— Сядьте на кровать! — завопил срывающимся на звон голосом череп.

— Меня зовут... — Я закашлялся от волнения. — Я техник-навигатор на корабле Земли «Ахилл»! Я техник-навигатор на корабле Земли «Ахилл»!

Я подкинул куб в руке — пластиковая игрушка была совсем легкой и вряд ли представляла собой какую-то угрозу

для металлического черепа, парящего над комнатой. Однако я уже не мог безропотно подчиняться бессмысленным приказам, надеясь, что у этого механизма когда-нибудь замкнет электрическую цепь.

Я размахнулся и изо всех сил метнул куб в работающую кронштейне. Куб угодил в горящий красный глаз и, не причинив видимого вреда, отскочил на пол.

Однако лошадиный череп обезумел.

Он вздрогнул и, издав пронзительный свист, принялся раскачиваться из стороны в сторону. Кронштейн поскрипывал и гудел, прогибаясь от натуги; казалось, он в любую секунду может сорваться со стены, обрушиться на пол.

— Агре-е-е-ессия! Прес-с-с-секаться! — визжал череп.

Я испуганно попытался и уперся ногами в кровать. Свет стал таким ярким, что я не различал ни потолка, ни стен — только оглушительное белое сияние и свихнувшегося робота, которой носился над дверью.

— Агре-е-е-ессия! Недопустимо! Бу-у-у-удет...

Раздался тяжелый глухой удар — взбесившийся лошадиный череп, описав широкую дугу на вытянутом кронштейне, с размаху впечатался в светящуюся стену и тут же отлетел назад, как по инерции, и, пронесшись над комнатой, врезался в стену с противоположной стороны двери.

— Агрессия! Пре...

Голос захлебнулся в треске помех, а электрический глаз на голове часто замигал — видимо, от столкновения со стеной оборвались контакты.

Послышался еще один удар. От работающей отлетела мелкая деталь, и я прикрылся, защищаясь. Что-то со скрежетом заскользило по полу. Когда я опустил руки, красный глаз уже не горел, а обезображенный, помятый череп безвольно свисал на прогнувшемся кронштейне.

Голова была мертва.

Но я не испытывал радости от внезапного самоубийства своего мучителя. Я долго стоял у кровати, глядя на тонкий суставчатый кронштейн, который покачивался с натужным скрипом.

Наконец я решился и приблизился к двери.

Череп висел совсем низко, и, возможно, подпрыгнув, я смог бы до него дотянуться. Однако вместо этого я остановился посреди комнаты и, вздохнув, оглянулся по сторонам.

Свет резал глаза, потолка было не видно. Меня окружала пронзительная белая пустота.

— Вы здесь?! — крикнул я, запрокинув голову. — Вы наблюдаете?

Мне никто не ответил.

— Что вам от меня нужно? Где я? Где Лида? Почему вы не можете просто...

Под потолком раздалось отрывистое позвякивание, и комната погрузилась в темноту.

97

За окном было так темно, что я не видел ничего, кроме собственного отражения. Если сначала я надеялся убедить себя лечь спать — ведь от меня ничего не зависело, я сделал все возможное и заслужил отдых, — то когда на часах перевалило за двенадцать, я и не пытался заснуть.

На следующее утро обещали объявить результаты.

Все решения были давно приняты, список студентов составлен, однако в силу садистской традиции оценки за вступительные экзамены и итоговые проходные баллы скрывали до самого конца, наслаждаясь мучениями абитуриентов, чья судьба решалась подсчетом среднего арифметического.

Я настроил извещения на суазоре так, чтобы когда на портале института вывесят список принятых на авиакосмическое, зазвучало бы противное торопливое контральто, которое я обычно использовал как мелодию для будильника. Впрочем, какие бы результаты ни появились на портале, я бы все равно поехал в институт, чтобы убедиться самому — как если бы не доверял автоматическим извещениям и сетевым новостям.

Мама давно спала, а я лежал на кровати и перечитывал историю технологического, щедро сдобренную странными, нарочито состаренными фотографиями, словно мою будущую, как я надеялся, альма-матер основали больше века назад. В действительности строительство институтского городка завершилось за несколько лет до моего рождения. В статье, которую я нашел в открытом доступе в сети, рассказывалось о том, как долго подбирали подходящее место — вдали от городского шума и бесчисленных многоярусных дорог, у реки, среди густых вечнозеленых лесопарков. Я представлял свою комнату в общежитии (широкий профессорский кабинет с разноцветными снимками на стенах), представлял, как зимой буду гулять у замерзшей поймы после удачного зачета, не решаясь выйти на тонкий, припорошенный снегом лед. Во всех фантазиях я был не один — я рассказывал подружке о звездах, глядя на безоблачное дневное небо, цитировал наизусть стихи придуманного поэта, травил байки о студентах и лекторах.

Ближе к утру я незаметно заснул, продолжая во сне читать о технологическом и воображая себя счастливым студентом, избавленным от тягот материнской заботы и гнетущей больничной атмосферы нашей столичной квартиры. Трезвон суазора испугал меня так, что я резко вскочил с кровати и чуть не упал от головокружения.

Мне потребовалось время, чтобы прийти в себя.

Я сел на кровати, взволнованно вздохнул и взял с тумбочки суазор. На экране судорожно пульсировала иконка извещения и яркие буквы:

«Результаты вступительных экзаменов».

Я долго не мог заставить себя коснуться иконки пальцем и открыть список поступивших. Однако уже через минуту, так и оставшись в мятой вчерашней одежде, я спешно натягивал ботинки, надеясь успеть на утренний маглев.

Мама что-то прокричала мне вслед, но я ничего не слышал.

Первый идущий за город маглев я, естественно, пропустил, а следующий по расписанию нужно было ждать почти

полчаса. На станции быстро образовалась давка, громкоговорители, обычно зачитывающие ритмичные рифмованные рекламы, необъяснимо сбоили, и воспроизводимые ими голоса рассыпались в раздражающем треске помех. Но никто не обращал на шум внимания. Все стояли, уткнувшись в суазоры, не замечая ничего вокруг. Я тоже постоянно проверял список поступивших, нервно проводя по экрану пальцем.

Я никак не мог поверить. Я набрал почти максимальный балл. Я даже не мечтал о чем-то подобном.

В институт я приехал только после полудня.

Помню, как бежал по скверу перед главным корпусом, прижимая к груди суазор. Нужды торопиться не было, но я не мог ждать ни минуты.

Перед входом в главный корпус я остановился, чтобы отдышаться, а потом автоматические двери разъехались в стороны, пропуская в приемный холл.

Я оказался один в пустом и огромном помещении, которое нехотя приходило в себя после мертвой гибернации, оживая с каждым моим шагом, пропуская по стенам ток. Суматошно срабатывали датчики движения, вспыхивали, когда я проходил мимо, электронные указатели, путаясь в направлениях пути, услужливо открылись двери пассажирского лифта, налился светом огромный информационный терминал.

Я остановился перед экраном, глядя на вращающийся вокруг оси, как планета, геометрический герб института. Под гербом светились яркие буквы:

«Результаты вступительных экзаменов».

Я нерешительно протянул ладонь — в странном жесте приветствия, — и терминал опознал меня, герб исчез, а экран залила ровная темнота.

Пару секунд ничего не происходило. В огромном глянцевом экране отражался просторный холл, стены, переливчатая голограмма земного шара под потолком, но моего отражения почему-то не было.

Сердце молотило в груди, руки тряслись от волнения.

Наконец экран вспыхнул, по его поверхности прошла причудливая рябь — как волны от брошенного в воду камня, — а еще через секунду высветился мой средний балл.

Суазор не ошибся.

Это было так невероятно. Я по-прежнему не мог поверить. Я поднялся в приемную комиссию, надеясь, что живой человек, а не безличный терминал, подтвердит мой удивительный результат, однако приемная комиссия оказалась закрыта — информационное табло над дверью деловито напомнило мне, что торжественное собрание для поступивших начнется только на следующий день.

Я машинально занес напоминание в суазор и спустился в холл.

Терминал, узнавший меня по движению руки, не работал. Зеркальный экран, затопленный темнотой, ни на что не реагировал. Я видел в нем планету, которая ошалело вертелась под потолком, с каждым оборотом набирая скорость, ядовито-зеленые стрелки указателей, мерцавшие, как при перепадах электричества, — но не свое отражение. Поначалу, поглощенный результатами вступительных, я не придавал глюку терминала особого значения, но теперь насторожился. Я надавил на экран ладонью в надежде, что его электронное безумие закончится, — и в то же мгновение в этом мнимом зеркале появилось знакомое лицо.

Я обернулся. Рядом со мной стоял Виктор.

— Ты здесь? — выдал я вместо приветствия. — Да ты как привидение! Я тебя и не заметил!

— Испугался? — осклабился Виктор и пожал мне руку.

— Иди ты! — сказал я.

Мы познакомились на подготовительных — Виктор сам подсел ко мне на семинаре по математическому анализу и задал какой-то нелепый вопрос. Занимался он не меньше, и мы частенько оставались вместе после курсов, чтобы вдвоем разобраться со сложной темой. Однако на репетиции экзаменов он с трудом получил минимальный проходной балл.

— Ты как? — спохватился я. — Сдал?

— Конечно! Я тут час ошиваюсь. Сдал по нижней планке, правда, но какая разница? Главное, что поступил.

— Поздравляю! — Я пожал ему руку еще раз. — Я всю ночь из-за этого не спал.

— А я спал, как младенец! — рассмеялся Виктор. — Чего ты тут делаешь, кстати? Собрание же завтра, разве ты не смотрел на портале?

— А ты чего тут делаешь? — спросил я.

Виктор сделал вид, что рассматривает призрачную Землю, которая из-за комичного сбоя проектора раскручивалась под сводами холла, превращаясь в сверкающий дискотечный шар.

— Да так, — уклончиво ответил он. — Были кое-какие дела.

Виктор хорохорился, но по болезненному блеску в его глазах было видно, что он тоже мучился от бессонницы.

— Значит говоришь, спал, как младенец? — усмехнулся я и хлопнул его по плечу.

Мы вышли из главного здания в залитый полуденным солнцем сквер.

Я больше не испытывал радости — только волнение и легкий страх. Я вдруг подумал, что до сегодняшнего дня никогда и не верил, что поступлю. Я понимал, что жизнь теперь кардинально изменится. Я перееду из города в общежитие, почти за сотню километров от дома, мать уже не будет допекать рассказами о надуманных болезнях, однако мне придется учиться на самом престижном отделении одного из крупнейших вузов страны, где, как рассказывали на подготовительных, могут запросто отчислить треть курса по результатам обычной сессии. Меня ждали вовсе не безмятежные прогулки по берегу реки, а тяжелая работа и бессонные ночи.

Я посмотрел на безоблачное небо и заметил тонкую полосу темного газа от взлетевшего реактивного самолета или космического корабля.

Спустя пять лет я, возможно, получу первое назначение, впервые покину Землю. Хотел ли я этого? Мне было

страшно так, как если бы вылет назначили на завтрашний день — сразу после торжественного собрания, — и в то же время я боялся не справиться с учебой и оказаться в позорных списках на исключение.

Виктор стоял рядом и молчал. Я был уверен, что он думает о том же.

Я еще раз посмотрел на небо. След от ракеты успел растаять на солнечном свете. Небо, идеально голубое, без единого облака, напоминало светящийся экран.

96

На следующий день я приехал за час до собрания. Институт уже успели наводнить взволнованные абитуриенты, и мне пришлось проталкиваться через плотную толпу, чтобы подойти к лифтам.

Как обычно я никого не узнавал.

На лифтовой площадке выстроилась очередь, и кто-то постоянно пытался пролезть вперед, хамовато распахивая остальных. Мелодично позвякивал лифт, шипели открывающиеся двери, вспыхивали на стенах броские указатели, показывая беспорядочные направления, мигали лазерные лампы, по огромному, похожему на электронную стелу экрану крутили фильм с головокружительными космическими видами.

У меня действительно начинала кружиться голова.

Люди в коридоре говорили одновременно, вразнобой, пытались перекричать друг друга, а со всех сторон доносилась раздражающая позвякивающая музыка. Мне хотелось зажать уши руками.

На последнем этаже, где располагался актовый зал, оказалось не тише. Я не мог разглядеть Виктора в толпе и встал у входа в зал, у информационного терминала, по которому показывали беззвучный обучающий фильм по истории колонизации Венеры.

Бегущая внизу строка подсвечивалась синим, как в караоке, а на экране быстро сменялись слайды — похожие на

пирамиды корабли, которые бомбардировали планету ледяными глыбами, невыразительные люди в больничных халатах, собравшиеся для группового снимка, нарисованная на черном фоне планета, двигавшаяся по эллипсу вокруг подразумеваемого солнца, невероятно ускоряясь с каждой секундой, набирая ход, подобно гигантскому космическому кораблю. Субтитры рассказывали о вкладе ученых, разработавших революционную технологию бомбардировки Венеры астероидами, благодаря которой проект терраформирования, обещавший растянуться на пять сотен лет, удалось завершить всего за восемьдесят. В конце фильма на экране появилась залитая магмой Венера и превратилась в голубой, похожий на Землю шар.

За спиной послышался чей-то громкий голос — кажется, говорила девушка, но из-за стоящего в коридоре гама я не разобрал ни слова. Я вдруг разволновался — как день назад, когда смотрел на терминале результаты вступительных. Я стоял перед экраном, на котором показывали превращение планеты, и думал, что забыл о чем-то очень важном, когда передо мной возник, материализовавшись из воздуха, суазор с открытой страницей цветастого портала.

Я обернулся.

— Смотри! — выпалил Виктор, самодовольно улыбаясь. — Я зарегистрировался в соцсети. Вот...

Он провел пальцами по экрану, и передо мной появился похожий на паутину график сети — маленькие круглые фотографии, от которых тянулись тонкие, расходящиеся лучами нити, соединяя заключенные в круги лица.

— Молодец, — сказал я.

— Смотри, смотри! — Виктор азартно листал пальцем эту развесистую паутину. — Вот я, а вот...

Но я его уже не слышал. Зазвенел электрический колокол, и синтетический голос с придыханием объявил о начале собрания. Мы с Виктором были неподалеку от входа и успели занять места в первом ряду.

Над сценой висел широкий красный флаг — как выпреннее знамя дворянского дома — с геометрическим

гербом института, собранным из трех фигур — треугольника, круга и квадрата.

В зале постоянно кто-то кашлял, смеялся, говорил вполголоса или громко, и вокруг нас стоял хор сбивающихся голосов, как в огромной многотысячной толпе, которая неумолимо сходит с ума от счастья. Однако я не чувствовал ничего, кроме смутного, почти подсознательного страха. После года на подготовительных, после репетиций экзаменов и бессонных ночей я почему-то был совершенно не рад, что поступил.

Виктор возился с суазором, выискивая будущих сокурсников в сети и добавляя друзей в свое растущее со скоростью ядерной реакции соцсети. Он показывал мне на экран, тыкая пальцем в чьи-то круглые фотографии, а я в ответ молча кивал головой.

На прямоугольную сцену, где высился стилизованный под старину микрофон с суставчатым кронштейном, никто не выходил, и я поглядывал на часы от нетерпения. Гул голосов в зале усиливался — не мне одному надоело ждать.

— Что-то они не торопятся, — тихо сказал я.

— Что? — Виктор оторвался от суазора.

— Давно уже должны были начать, — сказал я.

Виктор убрал суазор и осмотрелся.

— Да, глядя на эту толпищу, вовсе не чувствуешь себя особенным, — пожаловался он.

— Особенным?

— Ну, конкурс, — развел руками Виктор.

— Я никогда не чувствовал себя особенным, — сказал я.

— Врешь, — сказал Виктор.

Я думал, что бы такое ему ответить, когда в зале раздался надрывный звон — как в коридоре перед началом собрания, — и на сцену неторопливо, прихрамывающей походкой вышел пожилой мужчина в старомодном твидовом костюме, слишком теплом для лета.

— Вон там! — Виктор толкнул меня локтем и показал на сцену пальцем.

— Тихо! — зашипел я.

Пожилой мужчина встал рядом с микрофоном, кашлянул в кулак, набрал полную грудь воздуха и, сверкнув неестественно белыми искусственными зубами, торжественно произнес:

— Уважаемые первокурсники!..

95

Я снова проснулся от удушья.

С громким надрывным хрипом я дернулся вперед, оторвав голову от липкой, затягивающей кровать пленки — вынырнув из мертвенного забытья.

Комната была погружена во тьму.

Я смотрел в надежде различить хоть что-нибудь — смутные отблески света, очертания массивной двери из усиленных бронепластин, горящее красное око, — но ничего не видел. Я подумал, что безумный лошадиный череп на кронштейне мне приснился.

— Эй! — крикнул я в темноту и попытался встать с кровати.

Я уже не чувствовал немощной дрожи. Я сделал шаг вперед — туда, где, как я помнил, стояла бронированная дверь и висел на прогнувшемся кронштейне электрический череп, — но остановился.

Кровать за спиной исчезла.

— Эй! — крикнул я, надеясь услышать хотя бы металлический дребезг, но мне никто не ответил.

Комната была пуста.

Я попятился, надеясь, что смогу вернуться к невидимой кровати, повторяя в обратном порядке собственные шаги, когда вся комната стремительно вспыхнула, оглушив зрительные нервы. Перед глазами поплыли яркие круги, я едва не оступился и прикрыл ладонью лицо.

— Вы здесь? — спросил я. — Здесь кто-то есть?

Ответа не было.

Я осторожно осмотрелся, щурясь от света. Я был в той же комнате — с узкой кроватью, унитазом и светящимися

стенами. Лошадиный череп также оказался на месте — он висел на кривом кронштейне над бронированной дверью, а его потухший глаз слепо смотрел в пол. Однако я не видел никаких повреждений от его недавнего — вчерашнего? — приступа бешенства. Исчезли даже вмятины на стене.

— Вы здесь? — неуверенно повторил я.

Тишина.

Я забрался на кровать и сел, подобрав под себя ноги, продолжая смотреть на неподвижный лошадиный череп. Глаза слезились от света, но я старался не моргать, опасаясь, что вновь окажусь в непроглядной темноте, едва сомкну веки.

Лошадиный череп притворялся мертвым.

Постепенно все вокруг стало расплываться, монотонный белый свет часто замигал, как изображение на старом экране, а череп, повисший на изломанной конечности, постепенно исчез, рассеялся в высокочастотном мерцании.

У меня не было сил сопротивляться.

Я закрыл глаза и провалился в головокружительное забытьё. Когда я пришел в себя, то голова раскалывалась от боли, а в комнате горел свет.

94

Я лежал на жесткой больничной койке — как пациент, о котором забыли врачи. Головная боль так и не прошла, а от выжигающего света воспалились глаза. Когда я опускал веки, передо мной все равно стояли сверкающие стены, навечно отпечатавшись в сознании, на сетчатке глаз.

Я не знал, сколько прошло времени — один час или целый день? Я скучал по оглушительной темноте, которая пугала меня раньше. Воздух был свеж и прохладен, но дышал я с трудом, как астматик — белые стены давили на меня, мешая вздохнуть.

Несколько раз я засыпал — вернее, терял сознание, — обессилив от бессмысленного ожидания, но эти краткие минуты отдыха не придали мне сил. Губы потрескались, горло

пересохло. Я ничего не ел и не пил, наверное, уже пару дней. Казалось, меня хотят заморить голодом или же безумная машина, управляющая этой наэлектризованной тюремой, попросту не знает о том, что мне требуются еда и вода.

Лошадиная голова была все так же неподвижна. На крики никто не отвечал.

Я поднялся с кровати, опираясь руками об изголовье, осторожно

спустив на промерзлый пол ноги.

Только бы не оступиться, только бы не упасть.

Когда я встал, мне почудилось, что пол подо мной перекопился и поднимается вверх, как палуба во время качки. Комната стала переворачиваться навзничь. Я панически всплеснул руками, ища в воздухе опоры, и повалился на скрипящую пленку.

Все было на месте. Подо мной стояла неподвижная, как приваренная к полу, кровать. Пол не превратился в потолок, мир не перевернулся.

Я слез с кровати, и меня повело от слабости.

За спиной послышался приглушенный гул. Я повернулся к широкой вентиляционной решетке, которая из-за больнично-белого света почти сливалась со стеной. Я забрался на кровать и вытянулся на цыпочках, однако вентиляционная решетка все равно находилась над головой, и я ничего не мог разобрать. Шум напоминал высокочастотную вибрацию старого работающего механизма, причудливо искаженную гортанным эхом разветвленной системы воздуховодов. Но что это? Генераторы кислорода? Энергетические установки?

Я продолжал прислушиваться и стал различать чьи-то нечеткие голоса.

Один голос принадлежал мужчине и был громче, ниже, и порою даже срывался на крик. Этот голос наступал, настаивал, жестко и агрессивно, тогда как второй, грудной и тихий, наверняка женский, неуверенно оборонялся, затихая и утопая в машинном рокоте. Иногда мужской голос становился таким громким, что я мог уловить отдельные слова:

— ...недостаточно...

— ...должны сделать...

— ...Лидия...

Лидия?

За спиной послышалось отчетливое жужжание сервоприводов — кронштейн, согнутый зигзагом над дверью, медленно распрямлялся, изготавливаясь для броска.

Я вздрогнул и обернулся.

Металлический череп неподвижно висел над комнатой, но его слепой глаз смотрел вниз под другим углом.

Я прислонился к стене. Никаких голосов уже не было — они исчезли, потонули в шуме генераторов кислорода или энергетических машин.

Я стоял у решетки в надежде, что голоса вернуться, когда за спиной послышалось знакомое механическое гудение.

Я резко развернулся, и лошадиный череп застыл под моим взглядом, не успев вернуться в изначальное положение. Потухший глаз теперь смотрел не в пол, а таращился на кровать, упорно притворяясь незрячим.

Я подошел к двери.

Лошадиная голова пугающе нависала надо мной, неподвижная, окоченевшая от холода. Мне стало не по себе.

Я вернулся в смутной надежде, что голоса все-таки появятся, но, не успев я залезть на кровать, как позади послышался протяжный вой сервоприводов.

Незрячий электрический глаз уставился на вентиляционную решетку, да и сам череп уже не висел, ослабленно поникнув, над полом, а хищно вытягивался на длинном кронштейне.

— Вы так развлекаетесь?! — заорал я в потолок. — Кто вы такие? Кто дал вам право?!

Слепой череп не шелохнулся.

— Что здесь происходит?! Зачем все это нужно? Чего вы хотите?

Станный гул, доносившийся из вентиляционной решетки, затих — неизвестная машина отключилась, и камеру накрыла тишина. Я подошел к лошадиной голове и заглянул в ее единственный слепой глаз.

— Я требую объяснений! Если я военнопленный, если я...
Внезапно я почувствовал слабость — так, что едва устоял на ногах.

— Пожалуйста! — простонал я, срываясь на плач. —
Пожалуйста!

Мне никто не ответил.

— Пожалуйста! — молил я.

Я закрыл лицо.

— Хотя бы выключите этот свет! Я прошу вас! И дайте мне хоть один глоток воды! Я сделаю все, что вы захотите. Я...

Металлическая башка невозмутимо смотрела сквозь меня, словно меня и не было вовсе.

— Пожалуйста!

Меня лихорадило, слезы стекали по щекам. Лошадиный череп висел над комнатой не двигаясь.

— Пожалуйста!

Но меня по-прежнему окружала тишина.

93

Я сидел на полу, не чувствуя холода. Свет вокруг стал таким нестерпимо ярким, что я думал только об одном.

Темнота.

Я пытался вспомнить беззвездные ночи вдали от города, когда черные гроззовые облака затягивали небо, первый полет с инструктором, бесконечную темноту в иллюминаторе, но все, что я видел, — это свет, белый, безжизненный, проникающий повсюду.

Губы потрескались, мне было больно глотать, однако даже жажда мучила не так сильно, как исходящий из стен свет.

Я пробормотал — слабым, дрожащим голосом, — неподвижно глядя в оглушающую белизну перед собой:

— Выключите свет. Пожалуйста. Я больше ни о чем не прошу. Просто дайте мне отдохнуть.

Раздался щелчок — как при переключении примитивного электрического реле, — и я испуганно вздрогнул. Однако

ничего не изменилось. Лошадиный череп висел на вытянутом кронштейне, свет оставался невыносимо ярким.

— Выключите! Выключите! — Я кричал, срывая голосовые связки. — Хватит! Не нужно! Я...

В стенах снова что-то раздражающе перещелкнуло — как у заводного механизма с затянутой до упора тугой пружиной. Я встал и, покачиваясь, подошел к двери.

— Хватит, — шепотом повторил я и ударил по двери кулаком.

Я почувствовал тупую боль, и кисть онемела. Я ударил еще раз, с размаха, изо всех оставшихся сил. На толстом листе металла оставались красные пятна. Пальцы с разодранной в кровь кожей тряслись.

— Пожалуйста, прекратите!

Мне едва хватило дыхания даже на эти слова, хотя из вентиляционной решетки бил мощный искусственный ветер, который я чувствовал спиной, стоя в другом конце комнаты. Я хрипло вздохнул и выкрикнул в потолок:

— Вы слышите меня?! Прекратите это! Выключите свет!

Послышался ритмичный треск, сменившийся через секунду металлическим лязгом.

Я стоял, сощурившись, и смотрел, как над головой образуется прямоугольная черная дыра. Непонятное отверстие в потолке расширилось по краям, пока не стало квадратным. Потом лязг прекратился. В комнату под аккомпанемент надсадного электрического воя начал спускаться угловатый черный контейнер, покачиваясь и вздрагивая, как на волнах. Вскоре контейнер показался целиком — на тонкой изогнутой трубе, напоминающей сломанную конечность.

Раздалось привычное шипение сервоприводов. Я обернулся, зная, что увижу. Ожившая башка глумливо взглянула на меня, поблескивая красным глазом.

Контейнер продолжал трястись, а кривая труба, торчащая из потолка, покачивалась, точно маятник, из стороны в сторону. Я всерьез боялся, что эта конструкция обрушится вниз и пробьет пол, как лист картона, — однако контейнер

чудом удерживал равновесие, медленно и неотвратно приближаясь ко мне.

— Что это? — спросил я.

Лошадиный череп молчал.

Наконец контейнер остановился, повиснув на вывернутой руке где-то в метре от пола. Завывание электроприводов смолкло, и контейнер вздрогнул, спустившись опасным рывком еще на пару сантиметров и едва не слетев с хлипкого крепления.

Электрический глаз черепа азартно сверкнул.

На контейнере лежал оранжевый пластиковый куб. А также шар, закатившийся в квадратную лунку. И упавшая плашмя ярко-зеленая пирамида.

— Пройдите тест, — раздался знакомый резонирующий голос. — Вставьте фигуры в отверстия.

Лошадиный череп указал кивком на три прорези с верхней стороны контейнера — в форме круга, треугольника и квадрата.

— Что это? — спросил я. — Зачем все это нужно?

— Пройдите тест, — повторил лошадиный череп. — Вставьте фигуры в отверстия.

Я обошел контейнер, рассматривая пластиковые фигурки. Разбитая кисть ныла, по пальцам стекала кровь.

— Фигуры в отверстия? — спросил я.

— Пройдите тест. — Одноглазый череп заклинило. — Вставьте фигуры в отверстия.

Капелька крови упала на белый пол.

— Вы что, издеваетесь?! — крикнул я. — Зачем все это нужно? Я вам что, подопытная обезьяна?

— Пройдите тест! — Безумный робот принялся угрожающе раскачиваться на кронштейне. — Пройдите тест! Пройдите тест!

— Я не собираюсь... — пробормотал я и закашлялся — в горле снова першило. — Да это же просто бессмысленно!

Металлическая башка сначала приподнялась над комнатой, а потом угрожающе нырнула вниз, яростно сверкая глазом.

— Пройдите! Пройдите! Пройдите! — визжала башка. — Пройдите тест! Иначе вам будет...

— Хорошо! — крикнул я.

Разбитая кисть горела. Я вытер кровь о штанину и взял с контейнера оранжевый куб. Лошадиный череп тут же замолк. Я засунул куб в карман брюк и почему-то сразу почувствовал себя спокойнее. Тугая синтетическая ткань плотно прижимала куб к бедру.

— Вставьте фигуры в отверстия, — осторожно напомнила лошадиная голова.

Я взял пирамиду и толкнул ее в другой карман. Остался только шар, который закатился в квадратную лунку. Достать его оказалось не так просто — шар застрял, и мне пришлось ударить по контейнеру снизу, чтобы шар вылетел из узких пазов. Лошадиный череп предусмотрительно отодвинулся к двери.

— Вставьте фигуры, — повторил робот. — Вставьте фигуры в отверстия.

Я стоял, сжимая темно-красный шар. Ссадины на пальцах кровоточили.

— Вставить фигуры? — спросил я. — А что потом? Чего вы хотите этим добиться?

Лошадиный череп дернулся и еще немного сдвинулся к двери.

— У всего этого есть какой-то смысл?

Я подобрал в руке шар.

Лошадиный череп безмолвно следил за фигуркой.

— Да пошли вы! — крикнул я и швырнул шар в нависающую над комнатой башку.

На сей раз шар не попал в электрический глаз, а ударился об изогнутое крепление робота и отскочил обратно, к моим ногам. Лошадиный череп придвинулся ко мне на шипящем кронштейне.

— Вставьте фигуры в отверстия! — прозвучал сдавленный голос. — Призываем вас к сотрудничеству. Любые агрессивные действия будут пресекаться.

Череп резко взлетел над комнатой и застыл над дверью, как страшный сюрреалистичный трофей.

Я поднял с пола шар.

— Хорошо. Фигуры в отверстия.

Я с силой загнал шар обратно в квадратную лунку, а потом еще и ударил по нему кулаком. Череп недовольно дернулся, но промолчал. Я вытащил из кармана пирамиду.

— Фигуры в отверстия, — процедил я сквозь зубы и воткнул пирамиду острым концом в круглое отверстие.

Череп качнулся на кронштейне.

— Агрессия! — раздался неуверенный возглас, который тут же рассыпался в электрическом треске.

— Да, да, уже сейчас, — сказал я. — Почти готово, — и взял оранжевый куб.

На контейнере оставалось только треугольное отверстие — слишком узкое для куба. Я попытался просунуть куб углом, поворачивая его по часовой стрелке, как винт, однако ничего не получалось. Лошадиный череп затрясся в приступе беззвучного хохота.

— Вставьте фигуры в отверстия, — напомнил он.

Я прошелся вокруг контейнера, ухватился за торчащую из него трубу и с силой встряхнул контейнер. Тонкая труба со скрипом зашаталась, внутри контейнера что-то звякнуло.

— Агрессия! — взвизгнул череп.

Я вытер об одежду окровавленные пальцы и повернулся к своему мучителю.

— Зачем все это? — спросил я.

Робот молчал.

— Что будет после того, как я вставлю фигуры?

Лошадиный череп не двигался.

— Что будет? — повторил я.

Череп едва заметно кивнул.

— Вставьте фигуры в отверстия, — сказал он.

Сначала я попробовал вытащить из квадратной прорези кровавый шар, однако на сей раз у меня никак не получалось подцепить его пальцами — шар плотно засел в отверстии и не хотел поддаваться. Тогда я выдрал из круглой лунки

пирамиду, содрав по краям ее раздражающую ярко-зеленую краску, и аккуратно, чувствуя на себе пристальный электрический взгляд, просунул пирамиду в треугольную прорезь. Пирамида с глухим стуком упала внутрь.

— Удачный выбор! — прокомментировал череп.

Оставалось вытащить шар, который я так удачно забил в квадратное отверстие. Я ударил по контейнеру снизу, но шар и не думал выскакивать из прорези. Тогда я обхватил шар пальцами и, упершись в контейнер, изо всех сил потянул его вверх, однако пальцы соскользнули с пластиковой фигурки, и я чуть не сверзился на пол, отшатнувшись к двери.

Лошадиный череп издевательски закачался на кронштейне.

— Так, значит? — спросил я.

Шар уже наполовину просел в квадратную лунку. Я подбросил куб в руке, а затем с размаху ударил им по шару.

Череп испуганно отпрянул к стене.

— Подобное поведение недопустимо! — раздался скрипучий голос. — Агрессивное поведение будет...

Голос захлебнулся в истошном треске. Я не сдавался и еще раз ударил кубом по шару. Шар осел глубже — и почти провалился внутрь контейнера.

— ...недопустимо... — проскрипел искаженный голос и замолк.

Лошадиный череп теперь молча наблюдал за мной, повиснув над дверью.

Я продолжал молотить кубом по шару, забивая его в квадратную прорезь все глубже и глубже. Вскоре лишь верхняя часть шара — оббитая кровавая макушка — торчала из отверстия. Я набрал в грудь воздуха, размахнулся, и — шар вдруг сам упал в контейнер.

За спиной послышалось осторожное шипение — череп, поблескивая глазом, потянулся к контейнеру.

— Спасибо, — послышался неожиданно четкий и ровный голос. — Вставьте последнюю фигуру в отверстие.

Я попытался просунуть оранжевый куб в ту же самую прорезь, в которой только что исчез шар, однако куб застрял — края отверстия погнулись и не давали ему провалиться.

— Все, хватит! — крикнул я. — Мне это надоело!

Воздух с привкусом хлора разъедал легкие.

— Дайте воды!

Череп долго молчал, оценивающе просверливая меня электрическим взглядом, а потом с резким шипением взмыл к потолку.

Контейнер на кривой конечности задрожал и лениво пополз вверх, в квадратную дыру. На середине пути подъемный кронштейн замер, сервоприводы надрывно взвыли, и вся эта конструкция стала припадочно трястись, готовая в любую секунду разлететься на части. Однако спустя мгновение подъем возобновился.

К моим ногам упал пластиковый куб.

— Спа-а-асибо за сотрудничество, — протянул голос, и лошадиный череп уснул — глаз его потух, и череп утомленно поник над дверью.

Я уставился на лежащий передо мной куб.

— Дайте мне воды, — сказал я, ни к кому не обращаясь. — И выключите этот чертов свет!

Мне не ответили.

Я сел на четвереньки и осторожно коснулся пальцем куба — как неразорвавшейся противопехотной мины. Череп не обратил на это внимания. Тогда я поднял куб.

Над головой тут же задребезжал синтетический голос:

— Проявление агрессии...

Робот мгновенно ожил. Я сжал оранжевый куб в разбитой о дверь руке.

— Что? — крикнул я. — Мне нельзя оставить себе куб?

Череп качнулся из стороны в сторону и злобно уставился на меня. Из бронированной двери выдвинулась тонкая пластина, похожая на маленький лоток.

— Проявите благоразумие. Положите куб на по-по-по... — голос свела икота, — двери... Проявите благоразумие...

Череп больше не раскачивался над комнатой. Я подумал, что смог бы без труда попасть в его горящий красный глаз. Я начал замахиваться, когда неживой механический голос загремел так невыносимо громко, что едва не лопнули барабанные перепопки:

— Подобное поведение недопустимо! Верните куб! Или вам будет отказано в приеме пищи!

Я посмотрел на куб. Оранжевый куб.

Безумный робот насквозь буравил меня хищным взглядом.

Я сдался. Я слишком устал. Горло едва не кровоточило от жажды, а веки слипались. Я послушно положил куб на выдвинутый лоток. В двери на мгновение открылся лючок, лоток сдвинулся, и куб вывалился наружу, за пределы камеры.

—Что? — спросил я. — Довольны? Я вернул куб, дайте мне воды.

— Спасибо за сотрудничество, — послышался безразличный ответ, и череп скривился над дверью, а его глаз погас, как при сбое электросети, уставившись в темнеющее пятно крови на полу.

— И что?! — хрипло закричал я. — Это как же?

Ссадины на руке все еще кровоточили.

— Дайте мне воды! Выключите свет!

Под потолком что-то щелкнуло, комнату на секунду затопила темнота, а потом опять разгорелся яркий испепеляющий свет. От таких внезапных перепадов в освещении у меня закружилась голова. Покачиваясь, я добрал до кровати и обессиленно упал на нее, закрыв руками лицо.

— Пожалуйста! Дайте мне воды, выключите свет!

Раздался еще один щелчок, а затем странный хлюпающий звук — мягкий, едва удерживающий форму предмет шлепнулся на металлический пол. Я приподнялся на кровати и увидел, что посреди комнаты лежит большой белый пакет с энергетической суспензией.

Я встал на ноги — меня и пакет суспензии разделяло лишь несколько шагов, — и вдруг отключился свет.

92

— Смотрите! Там! — прокричал кто-то за спиной.
Но я не смотрел.

Из-за экскурсии, на которую записал меня Виктор, вставать пришлось в сумеречную рань. Я не успел позавтракать и сидел в тихом маршрутном автобусе, сонно прислонившись щекой к теплomu оконному стеклу. Виктор, оставив бесплодные попытки меня расшевелить, перешептывался о чем-то с соседом спереди, солнце слепило глаза, а с потолка лилась медленная музыка, похожая на гипнотичные электрические мелодии, под которые так приятно засыпать после загруженного учебного дня.

Разбудила меня надоедливая вибрация суазора в нагрудном кармане. Я достал суазор и, зевнув, ткнул пальцем в светящуюся иконку мгновенного сообщения.

Мать.

«Ты приедешь сегодня?»

Я невольно взглянул на время в верхнем уголке экрана, всерьез задумавшись о том, чтобы съездить в свой старый дом после экскурсии, но потом быстро написал:

«Скорее всего, не смогу. Дополнительные занятия. Закончу поздно».

Виктор рассмеялся и толкнул меня локтем.

— Выспался?

— Угу.

— Кто писал?

— Да так. — Я быстро убрал суазор.

— Подружку себе завел? — не унимался Виктор.

— Отвали, — сказал я.

Виктор вздохнул с деланным разочарованием.

— Ты явно не с той ноги сегодня встал.

— Дело не в ногах, Вита, — ответил я, — дело во времени. Знаешь, я как-то привык чуть подольше в субботу поспать.

— Так всю жизнь проспишь, — изрек Виктор чью-то за-
тасканную мудрость.

Сосед спереди передал ему суазор, Виктор посмотрел в экран, затем показал на что-то пальцем, прыснул со смеха и тут же забыл обо мне, принявшись выискивать очередную ерунду в сети.

Я посмотрел в окно.

Автобус ехал по высотной эстакаде, по крайней левой полосе. За высокими отбойниками мелькали верхушки деревьев и неестественно вытянутые блестящие столбы ретрансляторов, которые повторялись со строгой закономерностью — так неотвратно и точно, что я вновь начал засыпать.

Через минуту суазор опять завибрировал, и я вытащил его из кармана, даже не сомневаясь, от кого пришло сообщение.

«А когда приедешь?» — спрашивала мать.

«Пока не знаю, — напечатал я. — Возможно, на следующей неделе».

Ответ пришел почти мгновенно:

«Приезжай. Я была у врача. Нам нужно поговорить».

Эти слова я слышал от нее неоднократно. «Я была у врача». «Нам нужно поговорить». Несколько раз она даже составляла завещание — каждый раз новое, как если бы повторяться в последней воле считалось плохой приметой, — и все из-за того, что ее просто направляли на дополнительное обследование. Я подумал — а болела ли она хоть раз в жизни по-настоящему? А потом подумал — как все же я рад, что наконец-то вырвался из дома.

Мы съехали с эстакады, и водитель, прервав медитативную мелодию, сообщил по громкоговорителю, что скоро мы будем на месте.

Солнце уже не светило в глаза.

За окном проносились стремительные тени от столбов и деревьев. Я перевел взгляд на Виктора, который изучал какие-то невразумительные фотографии в соцсети, раскрыл суазор, намереваясь написать ответное сообщение матери, но так ничего и не написал.

На космодроме нас сразу провели в пустое и сирое помещение, напоминавшее отстойник в дешевом аэровокзале. Даже Виктору, несмотря на его напускной оптимизм, было сложно скрыть разочарование. Все молчали, как на похоронах.

Мы с Виктором стояли у окна с армированным стеклом. Окно выходило на широкую забетонированную площадку со взлетными шахтами, похожими на стальные колодцы

в сотню метров шириной. Единственный корабль, который я разглядел, был удивительно похож на старинную ракету с отстреливающимися ступенями — к темному обугленному корпусу подвели передвижной рукав лифта, а из открытых люков торчали толстые и лоснящиеся, как щупальца, шланги.

— Заправка? — предположил Виктор, разглядывая доисторическую ракету в мутном стекле.

— Наверное, — согласился я.

— Не похоже, чтобы планировался полет.

— Да вообще... — Я осмотрел голую комнату, в которой нас заперли с другими студентами. — Можно подумать, что здесь вообще ничего никогда не планируется. И все заброшено лет пятьдесят, не меньше.

Виктор пожал плечами.

— Да я давно был на космодроме, уже плохо помню. Хотя чего ты ждал-то? Аэровокзала?

— Ничего я не ждал.

— Только не говори, что я не дал тебе поспать, — осклабился Виктор.

— Если ты знал, — начал я, — что здесь не будет ничего интересного...

— Скажите, — раздался у нас за спиной голос экскурсовода, — а кто из вас был раньше на космодроме?

Виктор неуверенно поднял руку.

Экскурсовод — молодой тощий мужчина, которого я до этого ни разу не видел — энергично закивал головой.

— Что ж, — продолжил он, — как я и предполагал, для большинства из вас это впервые. Нам нужно немного подождать, прежде чем откроют доступ на территорию, а пока я расскажу вам об этом космодроме. Космодром Тенешкино...

Экскурсовод вдруг сбился с заранее намеченной речи.

— Кстати, — хитро улыбнулся он, — а давайте проверим, кто из вас подготовился к экскурсии! Кто-нибудь знает, когда был построен космодром Тенешкино?

Девушка, стоявшая рядом с экскурсоводом, подняла руку, как на занятии, и что-то сказала. На меня нахлынуло